

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Морской Сборникъ, №№ 4, 5 и 6.— Инженерный Журналъ, №№ 1, 2 и 3 (*).

«Морской Сборникъ», №№ 4, 5 и 6-й.

Въ официальномъ отдѣлѣ названныхъ номеровъ «Морскаго Сборника», помѣщены чрезвычайно интересные отчеты за 1860 годъ по разнымъ отраслямъ морскаго нашего управленія, а именно: въ № 4 — отчеты по Морскому Ученому комитету, по артиллерійскому управленію, по Коммиссаріатскому и Инспекторскому департаментамъ, по Строительному управленію и по Кораблестроительному Техническому комитету; въ видѣ особаго приложенія присоединенъ къ этому же номеру отчетъ о дѣйствіяхъ Кораблестроительнаго Департамента Морскаго Министерства. Затѣмъ въ № 5 помѣщены отчеты по Черноморской Штурманской ротѣ, по школѣ писарей и содержателей, по 1-му и 2-му Учебнымъ морскимъ экипажамъ, по Соломбальскому Константиновскому дѣтскому приюту, а также извлеченіе изъ отчета директора Канцеляріи Морскаго Министерства.

(*) Обзоръ «Артиллерійскаго» и «Военно-Медицинскаго» журналовъ отложенъ до слѣдующаго номера.

Не имѣя возможности останавливаться надъ всѣми этими въ высшей степени интересными отчетами, мы извлечемъ изъ нихъ только нѣкоторыя данныя, относящіяся до нашего флота.

По отчету Кораблестроительнаго Департамента видно, что, въ 1860 году, всѣхъ судовъ, считая въ томъ числѣ и строящіяся, состояло :

	Паровыхъ.	Парусныхъ.
Кораблей	9	10
Фрегатовъ	13	6
Корветовъ	22	3
Клиперовъ	12	»
Пароходо-фрегатовъ	9	»
Канонирскихъ лодокъ	79	»
Яхтъ	2	12
Шкунь	25	17
Бриговъ	»	5
Люгеровъ	»	2
Тендеровъ	»	3
Военныхъ транспортовъ	8	13
Малыхъ пароходовъ	49	»
Паровыхъ баркасовъ и катеровъ	11	»
Пловучихъ доковъ	3	»
Итого	242	71

Всего паровыхъ и парусныхъ судовъ: 313

Въ общей сложности, на всѣхъ паровыхъ судахъ 36,935 паровыхъ нарицательныхъ силъ и 2,374 орудія, на парусныхъ же судахъ всего 1,477 орудій; слѣдовательно, на всѣхъ 313 судахъ 3,851 орудіе. Кромѣ названныхъ судовъ, считается *портовыхъ и ластовыхъ* судовъ разныхъ наименованій 474.

Для того, чтобы хоть приблизительно показать, какъ велика дѣятельность нашихъ портовъ по постройкѣ судовъ, приведемъ изъ того же отчета слѣдующія данныя:

Наибольшая дѣятельность по этой части въ С. - Петербургскомъ портѣ, гдѣ, въ теченіе 1860 года, были спущены на воду слѣдующія суда: 111-пуш. корабль «Императоръ Николай I-й», 45-пуш. фрегатъ «Ослябя», 17-пуш. корветъ «Богатырь», корабельный гидравлическій пловучій докъ, состоящій изъ пяти

частей, большой съ двумя палубами флашхонтъ и множество гребныхъ судовъ. Сверхъ того, при этомъ портѣ строятся еще три фрегата, три клипера, одинъ 100-сильный пароходъ и четыре флашхонта. Къ Петербургскому же порту, въ 1860 году, доставлены были, упомянутымъ уже выше, при разсмотрѣніи «Инженернаго Журнала», г. І. Френсисомъ, тридцать-три гребныя суда, изъ желобчатого гальванизированнаго желѣза.

Затѣмъ постройка судовъ большихъ размѣровъ производилась также при Кронштадтскомъ и Архангельскомъ портахъ, а при Николаевскомъ и Астраханскомъ: въ первомъ — постройка, а во второмъ — окончательная отдѣлка болѣе мелкихъ судовъ.

Въ Финляндіи, на частныхъ верфяхъ: абоской, улеборгской и бьернеборгской, тоже производимы были многія постройки, по заказамъ нашего Морскаго Министерства. Кромѣ того, нѣкоторые заказы были сдѣланы въ Англіи, во Франціи, въ Швеціи, и заказаны паровыя машины въ Нью-Йоркѣ и на нашемъ Камско-Воткинскомъ заводѣ.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что, въ прошломъ году, была построена на рѣкѣ Усуріи, какъ извѣстно, еще недавно пріобрѣтенной отъ Китая, въ станицѣ Корсакова, *одно-пушечная канонирская лодка*, которая была спущена на воду 11 іюня 1860 года, а на другой день отведена въ станицу Хабаровку, гдѣ окончены были всѣ работы по корпусу и лодка вооружена 24-хъ-фунт. короткою пушкою.

Что касается до числительности личнаго состава нашего морскаго вѣдомства, то, на основаніи отчета директора Инспекторскаго Департамента, во всѣхъ командахъ морскаго вѣдомства, а равно въ учебныхъ заведеніяхъ и административныхъ управленіяхъ, состояло къ 1 января 1861 года строевыхъ и нестроевыхъ чиновъ:

Адмираловъ и генераловъ . . .	95
Штабъ и оберъ-офицеровъ . . .	3,245
Классныхъ чиновъ	966
Гардемариновъ и кондукторовъ . . .	169
Нижнихъ чиновъ	55,216
Итого	60,591

Исключивъ изъ этого общаго числа чиновъ, состоящихъ въ резервѣ, въ безсрочномъ отпуску, на коммерческихъ судахъ, при

учебныхъ заведенiйхъ и въ разныхъ управленiяхъ, весь личный составъ нашего флота можетъ быть раздѣленъ на боевую силу и вспомогательную. Первую, т. е. флотскiе экипажи и корпуса, составляютъ:

Адмираловъ и генераловъ	10
Штабъ и оберъ-офицеровъ	1,532
Нижнихъ чиновъ	32,728
<hr/>	
Итого	34,270

Вспомогательную же силу составляютъ такъ называемыя береговыя команды, состоящия изъ рабочихъ и ластовыхъ экипажей, портовыхъ, артиллерiйскихъ и лабораторныхъ ротъ, музыкантскихъ хоровъ, деньщиковъ и питомцевъ Воспитательнаго дома. Въ нихъ всего состояло:

Штабъ и оберъ-офицеровъ	221
Нижнихъ чиновъ	20,552
<hr/>	
Итого	20,773

Сравнивая наличное число офицеровъ съ дѣйствительною въ нихъ потребностiю, оказывается нѣкоторый некомплектъ, допускаемый, впрочемъ, по неготовности еще многихъ судовъ; самый же ощутительный недостатокъ оказывается у насъ въ инженеръ-механикахъ.

Число нижнихъ чиновъ, состоящихъ во флотскихъ экипажахъ, соответствуетъ наличному числу судовъ, и ежегодная убыль ихъ пополняется временно-отпускными, которыхъ къ 1 января 1861 года оставалось 3,214 человекъ.

Что касается до дѣятельности нашего флота, то, въ кампанiю 1860 года, было вооружено и находилось въ плаванiи:

	Судовъ.		На нихъ чиновъ.	
	Паро- выхъ.	Парус- ныхъ.	Офице- ровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Въ Балтiйскомъ морѣ	79	16	995	19,347
— Бѣломъ —	4	2	34	435
— Каспiйскомъ —	12	4	105	1,870
— Черномъ —	25	6	275	2,750
У восточныхъ береговъ Сибири.	7	1	37	509
<hr/>				
	127	29	1,446	24,911

Изъ этого числа въ заграничномъ плаваніи находилось 29 судовъ, а на нихъ было: 532 офицера (*) и 7,081 нижнихъ чиновъ.

Отсюда видно, что въ 1860 году не было въ морѣ, изъ боевой силы личнаго состава флота: офицеровъ — $\frac{1}{16}$ часть, а нижнихъ чиновъ — $\frac{1}{4}$.

«По занятіямъ департамента—сказано въ отчетѣ по Инспекторскому Департаменту—встрѣтилась, въ концѣ минувшаго года, надобность опредѣлить, какая часть нашихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ можетъ почитаться опытными въ морскомъ дѣлѣ. Основаніемъ такому расчету принято было то, что каждый офицеръ или матросъ, бывшій, въ послѣдніе годы (начиная съ плаванія фрегатовъ «Паллада» и «Аврора»), въ дальнихъ плаваніяхъ, можетъ почитаться приобрѣтшимъ нѣкоторую опытность. По собраннѣмъ, на семь основаніи, свѣдѣніямъ оказалось, что, въ концѣ 1860 года, въ командахъ балтійскихъ, черноморской и сибирской флотилій состояло на лицо: бывавшихъ въ дальнихъ плаваніяхъ и нынѣ въ такихъ плаваніяхъ находящихся:

офицеровъ . . . 651
нижнихъ чиновъ 9,847

«Сравнивая это число съ общею цифрою боевой силы флота, видно, что средній процентъ числа опытныхъ офицеровъ есть 42, а нижнихъ чиновъ — 30.»

Что же касается до каспійскихъ моряковъ, то хотя они и не могутъ участвовать въ отдаленныхъ плаваніяхъ, но за то, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, имѣютъ случай приобретать опытность, которая должна быть цѣннѣе наравнѣ съ опытностію, приобретаемою въ дальнихъ кампаніяхъ.

Состояніе всѣхъ командъ морскаго вѣдомства, какъ по строевой, такъ и по хозяйственной частямъ, находилось въ надлежащемъ порядкѣ и исправности, чему, конечно, немало содѣйствуетъ и то, что почти всѣ команды морскаго вѣдомства помѣщаются въ казенныхъ зданіяхъ или въ нанимаемыхъ казною частныхъ домахъ, такъ что число нижнихъ чиновъ, помѣщающихся на нанимаемыхъ самими нижними чинами квартирахъ со-

(*) Въ числѣ офицеровъ показано 113 чел. гардемариновъ и кондукторовъ.

ставляетъ только 6%, при чемъ самый ощутительный недостатокъ въ казенномъ помѣщеніи оказывается въ Архангельскѣ и Астрахани.

Относительно боевого образованія командъ, нижніе чины постоянно, по мѣрѣ возможности, обучаются гимнастикѣ и стрѣльбѣ изъ орудій и изъ ручнаго оружія.

Въ то же время, принимались различныя мѣры для образованія чиновъ морскаго вѣдомства. Изъ нихъ особенно нельзя не упомянуть о слѣдующихъ: 1) учрежденіе въ Астрахани, Баку и Астрабадѣ небольшихъ библіотекъ и дозволеніе каждому кораблю или фрегату, отправляющемуся въ первый разъ за границу, отпускать по 300 руб. одновременно на покупку книгъ; 2) командировка за границу, для собранія свѣдѣній объ улучшеніяхъ въ морскомъ дѣлѣ и для изученія разныхъ производствъ, съ каковою цѣлью, въ прошломъ году, находилось за границею 41 чел., преимущественно изъ морскихъ офицеровъ. Для умственного же и нравственнаго развитія матросовъ, продолжалось, въ учрежденныхъ при 1-мъ Учебномъ экипажѣ унтеръ-офицерскихъ классахъ, обученіе людей грамотѣ, счисленію, теоріи стрѣльбы, знанію компаса и нѣкоторымъ свѣдѣніямъ объ артиллерійскихъ орудіяхъ и снарядахъ. Обученіе шло весьма успѣшно, и общее число чиновъ, приходившихъ въ классы изъ флотскихъ командъ, было 264 челов. Для того же, чтобы пріохотить нижнихъ чиновъ къ чтенію, рассылались во флотъ и въ другія команды книги нравственнаго и духовнаго содержанія, въ томъ числѣ 13,200 экземпляровъ книжекъ «Народныхъ Бесѣдъ» Григоровича. Кроме того, въ С.-Петербургѣ устроена матросская библіотека, объ открытіи которой мы имѣли случай говорить при обзорѣ первыхъ трехъ номеровъ «Морскаго Сборника» за нынѣшній годъ.

Уже давно Морское Министерство стремится къ тому, чтобы, по возможности, уменьшить число береговыхъ командъ и привести ихъ въ болѣе соответствующее отношеніе къ боевой силѣ флота, въ видахъ чего, съ преобразованиемъ министерства и портовыхъ управленій, нашли уже возможнымъ упразднить многія команды, какъ-то: роту писарей и типографчиковъ Морскаго Министерства, служительскую роту при Главномъ Адмиралтействѣ, курьерскую команду, четыре конюшенныя портовые роты, 10 военно-рабочихъ ротъ и 7 инженерныхъ командъ. Всего во всѣхъ этихъ командахъ числилось до 60 офицеровъ и

3,577 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ то же время казенную прислугу при учебныхъ заведеніяхъ положено постепенно замѣщать вольнонаемною, такъ чтобы, по истеченіи пяти лѣтъ, вся прислуга въ этихъ заведеніяхъ была вольнонаемная. Наконецъ, составлены подробныя соображенія объ окончательной замѣнѣ казенной прислуги у офицеровъ денежнымъ вознагражденіемъ и представлены уже г. управляющему министерствомъ. Еще въ 1859 году положено начало, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, въ Бѣломорской флотиліи, вольнаго найма матросовъ и поморцевъ. «Мѣра эта — сказано въ отчетѣ Инспекторскаго Департамента — имѣющая цѣлю привлечь поморцевъ къ службѣ на морѣ, можетъ послужить въ послѣдствіи благодѣтельнымъ началомъ къ развитію обществъ вольныхъ матросовъ, что въ особенности было бы полезно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ самыя условія мѣстной дѣятельности приготавливаютъ людей къ трудамъ и лишениямъ, неразлучнымъ съ морскою жизнью.»

Мы уже неоднократно имѣли случай говорить, что Морское Министерство изыскиваетъ всякія средства для замѣны рабочихъ экипажей вольнымъ наймомъ. Съ этою цѣлю еще съ 1856 года морскіе рабочіе экипажи вовсе не пополняются рекрутами, а въ послѣдніе два года убыль казенныхъ людей въ сихъ экипажахъ и вовсе перестали пополнять. Но какъ, вмѣстѣ съ этимъ уменьшеніемъ числа людей въ рабочихъ экипажахъ, не только не уменьшается, но даже увеличилось число ежегодныхъ работъ въ адмиралтействахъ, то и прибѣгнуто было къ найму вольныхъ мастеровыхъ, и число ихъ въ нашихъ адмиралтействахъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ прошломъ году, слѣдано распоряженіе о приемѣ въ портовыхъ мастерскія и на Адмиралтейскіе Ижорскіе заводы всякаго званія мальчиковъ на 5-лѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы они, по окончаніи ученія, могли оставаться, если пожелаютъ, при заводахъ и мастерскихъ, въ качествѣ вольнонаемныхъ. Для поощренія ихъ въ занятіяхъ, имъ назначается плата въ первые два года ученія по 20 коп., въ слѣдующіе два года по 30 коп., а въ послѣдній годъ по 50 коп. за каждый рабочій день. Плата эта, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть даже увеличена. Изъ портовыхъ отчетовъ видно, что такихъ учениковъ, къ 1 января 1861 года, было, въ С.-Петербуржскомъ портѣ—23, Архангельскомъ—70, Свеаборгскомъ—4.

Такая замѣна обязательнаго, казеннаго, труда трудомъ свободнымъ непремѣнно отразится на самой дѣятельности нашихъ адмиралтействъ и, притомъ, немногимъ увеличить расходъ казны, такъ какъ, вообще, извѣстно, что казенный мастеровой стоятъ казнѣ не дешевле вольнонаемнаго. Въ подтвержденіе этого, въ отчетѣ о дѣйствіяхъ Кораблестроительнаго Департамента, приводится слѣдующій расчетъ: полное годовое содержаніе рабочаго экипажа обходится въ 86,745 руб., на работу же изъ него выходитъ 702 человѣка; слѣдовательно, «раздѣляя полное годовое содержаніе экипажа, 86,745 руб., на число мастеровыхъ, которые выходятъ на работу, т. е. 702 человѣка, получимъ годовую стоимость содержанія одного мастераваго въ 123 руб. 56 коп. сер.»

«Полагая въ годъ рабочихъ дней 260, получимъ, что содержаніе каждаго мастераваго въ день стоитъ $47\frac{1}{2}$ коп.; но какъ опытами дознано, что двое вольныхъ мастеровыхъ выработываютъ за трехъ казенныхъ, то настоящая стоимость казеннаго мастераваго въ день, принявъ въ основаніе матеріальную пользу, приносимую имъ казнѣ, въ сравненіи съ вольнонаемными мастеравыми, будетъ $71\frac{1}{4}$ коп., а присоединивъ къ сему содержаніе госпиталя для нижнихъ чиновъ, изъ котораго приходится на каждаго человѣка $2\frac{1}{10}$ коп., опредѣлится, что казенный мастеровой обходится казнѣ въ $73\frac{19}{20}$ коп.»

Говоря о рабочихъ силахъ нашихъ адмиралтействъ, нельзя не упомянуть также и о томъ, что, въ прошломъ году, сокращено число обязательныхъ рабочихъ часовъ въ адмиралтействахъ и на заводахъ морскаго вѣдомства, съ тѣмъ, чтобы оно не превышало десяти, между тѣмъ, какъ, по существовавшему прежде положенію, основанному на регламентѣ Императора Петра I, работы производились отъ $12\frac{1}{2}$ до $13\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки.

Многоразличны и чрезвычайно сложны потребности морскаго вѣдомства: не говоря уже о предметахъ комиссаріатскаго и провіантскаго довольствія, сколько самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ нужно для кораблестроенія! Свѣдѣнія о заготовленіи и передачѣ въ порты этихъ матеріаловъ находимъ въ отчетѣ Кораблестроительнаго Департамента, который, въ этомъ отдѣлѣ своемъ, представляетъ чрезвычайно много въ высшей степени интересныхъ данныхъ. Не имѣя возможности подробно ознакомить со всѣми этими данными нашихъ читателей, мы,

по крайней мѣрѣ, упомянемъ о главнѣйшихъ заводахъ морскаго вѣдомства и ихъ дѣятельности, и это дастъ хоть приблизительное понятіе объ общей дѣятельности нашего морскаго вѣдомства по кораблестроительной части.

Разнаго рода чугунно-литейныя, желѣзодѣлательныя и мѣдноплющильныя работы выполняются для морскаго вѣдомства на слѣдующихъ казенныхъ заводахъ: на Адмиралтейскихъ Ижорскихъ, на Кронштадтскомъ пароходномъ заводѣ, на Ширшемскомъ заводѣ Архангельскаго адмиралтейства и на Астраханскомъ механическомъ заводѣ. Наибольшая дѣятельность происходитъ на первыхъ двухъ, и особенно на Ижорскихъ заводахъ, гдѣ, въ 1860 году, среднимъ числомъ, въ день находилось на работахъ по 1,324 человекъ, и дѣйствіемъ заводовъ приготовлено издѣлій и переработано металловъ на сумму въ 983,161 рубль 9½ коп. сер. Затѣмъ заготовленіе разнаго рода такелажа производится на трехъ канатныхъ заводахъ: Кронштадтскомъ, Архангельскомъ и Николаевскомъ. Изъ нихъ на первомъ, въ 1860 году, выдѣлано такелажа разныхъ сортовъ 47,005 пудовъ 25 фунтовъ. На этомъ же заводѣ, въ прошломъ году, по недостатку казенныхъ мастеровыхъ, нанято было 80 прядильщиковъ, по 80 коп. въ день, слѣдовательно весьма немногимъ болѣе выше приведенной стоимости казеннаго мастераго.

Наконецъ къ морскому же вѣдомству принадлежатъ и лѣсопильные заводы: два С.-Петербургскихъ, Кронштадтскій, Архангельскій и Николаевскій.

Въ числѣ матеріаловъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей нашего флота, особенно съ увеличеніемъ въ немъ числа паровыхъ судовъ, весьма важное мѣсто занимаетъ топливо, именно каменный уголь. По отчету директора Коммиссаріатскаго департамента Морскаго Министерства, видно, что, въ 1860 году, всего израсходовано было на заводахъ и пароходахъ во внутреннемъ плаваніи 3,815,000 пудовъ угля, на сумму въ 657,000 рублей, принимая среднюю цѣну на уголь, въ разныхъ портахъ, въ 18 коп. Затѣмъ къ 1 января 1861 года оставалось въ наличности, въ портахъ, каменнаго угля 3,345,867 пудовъ и антрацита 826,806 пудовъ. Этотъ запасъ весьма незначителенъ, и вотъ что по этому поводу сказано въ отчетѣ:

«Со времени развитія пароваго флота нашего, изысканіе надежныхъ способовъ снабженія портовъ пароходнымъ топливомъ

составляло предметъ постоянной заботливости Коммиссаріатскаго департамента. Опытъ прошедшей войны доказалъ намъ, къ какимъ страшнымъ жертвованіямъ вынуждено министерство прибѣгать въ критическую минуту, ежели, въ мирное время, не принято мѣръ къ составленію запаса для обезпеченія паровыхъ судовъ топливомъ. Съ тѣхъ поръ число паровыхъ судовъ у насъ удесятирилось, и теперь очевидно, что никакія жертвованія не въ состояніи будутъ отвратить бѣдствіе, грозящее нашему паровому флоту, ежели, въ критическую минуту, паровой двигатель его, стоявшій столькихъ издержекъ и трудовъ, останется безъ дѣйствія, по недостатку топлива.»

«Между тѣмъ, состояніе запасовъ топлива въ портахъ нашихъ таково, что угрожающее бѣдствіе можетъ постигнуть насъ при первомъ объявленіи европейской войны. По числу паровыхъ судовъ, нынѣ по спискамъ значущихся, запасовъ угля хватитъ едва ли на нѣсколько только дней плаванія подъ парами.»

«Въ одноиъ балтійскомъ флотѣ, по спискамъ, значится, кромѣ заводовъ, 17,685 паровыхъ силъ. Для дѣйствія ихъ въ продолженіе сутокъ необходимо 138,880 пудовъ угля. Въ настоящее время, во всѣхъ балтійскихъ портахъ не болѣе 3,000,000 пудовъ топлива; слѣдовательно, общаго количества угля станетъ не болѣе, какъ на одинъ мѣсяць плаванія.»

Въ виду такихъ обстоятельствъ, директоръ Коммиссаріатскаго департамента предлагаетъ, чтобы постепенно, въ теченіе пяти лѣтъ, былъ образованъ во всѣхъ портахъ запасъ топлива въ пропорціи двухъ-годичной потребности, для чего нужно будетъ ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, отпускать на этотъ предметъ по 764,000 руб. сер., и тогда, по прошествіи пяти лѣтъ, образуются запасы:

Для балтійскихъ портовъ и Ижоры	6,600,000 пудовъ.
— черноморскихъ портовъ . . .	400,000
— Архангельска	25,000

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ томъ ли видѣ, или въ другомъ, но, вѣроятно, представленіе это получить утвержденіе.

Говоря о дѣйствіяхъ Коммиссаріатскаго департамента, нельзя не упомянуть о введенной въ морскомъ вѣдомствѣ замѣнѣ, употреблявшихся до сего времени на рубашки съ брюками фаб-

ричнаго холста и фламскаго полотна, особою хлопчато-бумажною тканью.

«Поводомъ ко введенію въ обмундированіе новой ткани— сказано въ отчетѣ по Коммиссаріатскому департаменту — была необходимость въ улучшеніи качествъ матеріаловъ, употреблявшихся на рубашки и брюки, такъ какъ матросы большую часть службы своей на судахъ отправляютъ безъ верхняго платья; но всѣ старанія объ этомъ не достигали имѣвшейся въ виду цѣли. Между тѣмъ, привозимые нашими командами, при возвращеніи изъ-за границы, приобретаемые тамъ, въ счетъ обмундирования, рубашки и лѣтніе брюки изъ толстой хлопчато-бумажной ткани, и постоянно одобрительные отзывы командъ о ихъ прочности, благовидности и удобствѣ, а также отзывы медиковъ, что бумажныя издѣлія имѣютъ преимущество предъ другими въ гигиеническомъ отношеніи, сохраняя тѣло людей отъ быстрыхъ перемѣнъ температуры и отъ сырости, побудили департаментъ рассмотреть привезенныя изъ-за границы вещи и опредѣлить, не можетъ ли бумажная ткань, употребляемая почти во всѣхъ иностранныхъ флотахъ, замѣнить съ пользою отпускаемые у насъ на такія же вещи холстъ и полотно.»

«По тщательномъ разсмотрѣніи образцовъ заграничныхъ рубашекъ и брюкъ, приведенные о нихъ отзывы вполне подтвердились, а сравненіе съ холстомъ и полотномъ бумажной ткани показало значительное преимущество ея передъ холщевыми издѣліями, относительно плотности, бѣлизны и общей отдѣлки. Оставалось изыскать способы приготовить бумажную ткань надлежащей доброты на фабрикахъ внутри Имперіи.»

Послѣ многихъ испытаній, оказалось, что бумажная ткань съ Самсоньевской мануфактуры почетнаго гражданина Меняева ничѣмъ не уступаетъ иностранной, а цѣною дороже фабричнаго холста лишь на $\frac{1}{3}$, противъ фламскаго полотна на $2\frac{1}{2}$ коп. на аршинъ. Вслѣдствіе того и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе замѣнить во флотѣ фламское полотно на брюкахъ и фабричный холстъ на рубашкахъ хлопчато-бумажною тканью, по изготовленному на фабрикѣ Меняева образцу.

Въ заключеніе нашего обзора оффиціального отдѣла «Морскаго Сборника», надо упомянуть еще о весьма интересной статьѣ: «Краткое обозрѣніе приготовительныхъ работъ для изысканія мѣръ къ развитію русскаго торговаго мореплаванія», изъ кото-

рой узнаемъ, что еще въ 1856 году учрежденъ былъ особый комитетъ, для изысканія средствъ къ возможному развитію у насъ торговаго мореплаванія и что для той же цѣли собирались разныя свѣдѣнія какъ отъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ внутри Имперіи, такъ и отъ заграничныхъ нашихъ агентоувъ; нѣкоторыя изъ предположеній этого комитета уже и приведены въ исполненіе. Затѣмъ, въ прошедшемъ году, Его Императорское Высочество Генераль-Адмираль изволилъ поручить статскому совѣтнику Доргобужининову заняться составленіемъ подобнаго изслѣдованія мѣръ, принимаемыхъ за границею, для развитія торговаго мореплаванія, съ изложеніемъ дѣйствующихъ тамъ законовъ относительно купческаго флота, описаніемъ нынѣшняго состоянія нашего купческаго флота, съ изложеніемъ мнѣній и желаній судовозяевъ и шкиперовъ, и составленіемъ предположеній о средствахъ къ возможно большому развитію русскаго торговаго судоходства. Въ настоящее время, г. Доргобужининовымъ приступлено къ изслѣдованію и приведенію къ ясности всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ до сего времени для его труда, и въ названной нами статьѣ изложены именно результаты этого предварительнаго изученія собранныхъ матеріаловъ.

Вообще, въ послѣднее время «Морской Сборникъ» обратилъ вниманіе на весьма важный вопросъ развитія нашего купческаго флота и въ этихъ видахъ сталъ помѣщать на своихъ страницахъ статьи, могущія служить къ развитію и разъясненію вопроса. Къ числу подобныхъ статей, въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ «Морскаго Сборника», можно отнести помѣщенную въ № 4 статью: г. Вольдемара: «О мнимыхъ препятствіяхъ къ развитію нашего торговаго флота», и отчасти не оконченную еще въ № 6 статью князя Г. Львова: «Замѣчанія на русскій таможенный уставъ, въ отношеніи морской торговли».

Изъ другихъ статей «Морскаго Сборника», представляющихъ болѣе общій интересъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

Въ № 4: «Поѣздка по Днѣстру», Афонасьева-Чужбинскаго; «Замѣтки о состояніи артиллеріи въ Англіи», подполковника Пестича; «На берегу въ Севастополь, 1830 годъ» (записки врача морской службы), Н. Закревскаго; «О морскомъ бюджетѣ Франціи и Англіи». Последняя статья хотя и перевод-

ная, но чрезвычайно интересна, потому что вполне знакомить съ морскими учреждениями Франціи и Англіи и даетъ понятіе о всѣхъ совершенныхъ по нимъ, въ послѣднее время, преобразованіяхъ.

Въ № 5: «На Амурѣ» (первыя путевыя впечатлѣнія), С. Максимова; «Очерки Дуная», лейтенанта князя Ухтомскаго; «Мнѣніе объ отчетахъ по морскимъ учебнымъ заведеніямъ за 1860 годъ», К. Фойгта.

Въ № 6: «Замѣчательныя уголовно-судебныя дѣла англійскаго флота», дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варранда; «Плаваніе аральской флотиліи въ 1853 и 1859 годахъ», В. Ш.; переводная статья: «Какой долженъ быть флотъ, желѣзный или деревянный?» (статья Скотта Росселя), и двѣ статьи о классическомъ воспитаніи, объ членовъ Кембрическаго университета, г. Вильямса и г. Кларка.

Кромѣ того, къ сказаннымъ тремъ нумерамъ «Морскаго Сборника» приложены, въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ: «Проектъ россійскаго морскаго права», на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, «Обмелѣніе Азовскаго моря», съ картою промѣровъ этого моря, и четвертый выпускъ «Матеріаловъ для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана». Въ выпускѣ этомъ помѣщены извлеченія изъ описаній путешествій русскихъ и иностранныхъ мореплавателей, посѣщавшихъ земли, принадлежащія Россіи на Восточномъ океанѣ, а также и статья Хлѣбникова: «О первоначальномъ поселеніи Русскихъ въ Америкѣ».

Изъ всѣхъ этихъ статей мы остановились нѣсколько на статьѣ г. Максимова: «На Амурѣ», какъ на весьма важной, по сообщаемымъ въ ней свѣдѣніямъ о мало извѣстныхъ еще приамурскихъ странахъ. Читатели «Военнаго Сборника» имѣли возможность ознакомиться съ недавно пріобрѣтеннымъ Россією Амурскимъ краемъ изъ статьи г. ротмистра Бартоломея, напечатанной въ нашемъ журналѣ за прошлый годъ. Статья эта была составлена подъ вліяніемъ перваго увлеченія вновь пріобрѣтенною страной: тогда все въ ней находили прекраснымъ: и почву, и климатъ, и производительность, и прямо объявляли, что перешедшіе туда переселенцы вполне блаженствуютъ. Но и тогда уже появлялось нѣкоторое сомнѣніе въ этихъ похвалахъ: прорывались голоса, которые прямо говорили, что, конечно, отъ Амурса можно многого ожидать въ будущемъ, но что въ настоя-

щемъ онъ пока еще не представляетъ и не можетъ представлять ничего блистательнаго, и что положеніе переселенцевъ не только незавидное, но даже и хуже того: достойно всякаго сожалѣнія. Тогда, впрочемъ, какъ-то не хотѣлось вѣрить этимъ зловѣщимъ голосамъ; но, кажется, они были вполне правы. По крайней мѣрѣ, за послѣднее время, что-то сильно поуменьшились похвальные рѣчи Амуру, а вотъ въ №№ 5 и 6 «Морскаго Сборника» г. Максимовъ, лично путешествовавшій по Амуру въ 1860 году, сообщаетъ намъ о заведенныхъ по этой рѣкѣ поселеніяхъ въ высшей степени неутѣшительныя свѣдѣнія. Г. Максимовъ проѣхалъ по всему Амуру отъ Усть-Стрѣлки до Николаевска и сообщаетъ самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ видѣнныхъ имъ по пути поселеніяхъ. Поселенія эти состоятъ въ верхней части теченія Амура, до устья Усури, въ казачьихъ станицахъ, а ниже устья Усури—въ поселеніяхъ, занятыхъ такъ называемыми гражданскими переселенцами, прибывающими сюда изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Положеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, по словамъ г. Максимова, крайне незавидное. Въ подтвержденіе сказаннаго, можно было бы много привести выписокъ изъ статьи г. Максимова, но ограничимся только нѣкоторыми, наиболѣе характеристическими.

На Амурѣ, какъ извѣстно, были переселены забайкальскіе казаки съ Шилки и Аргуна. Вотъ какъ г. Максимовъ характеризуетъ этихъ переселенцевъ:

«Казаконъ забайкальскихъ наполовину сдѣлали изъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ для того, какъ объясняютъ, чтобы имѣть казенныхъ рабочихъ, обязанныхъ, по самому учрежденію и положенію своему, быть всегда готовыми и не наемными работниками. А забайкальскихъ казаконъ переселили, между прочимъ, и для того, чтобы такимъ образомъ упростить и облегчить дѣло устройства Амура. Но все-таки должно сказать, что казакъ забайкальскій, а стало быть и амурскій, вышелъ дурно обтесанный. Какъ его ни учили вертѣться на каблучкахъ, прищелкивая носками, какъ ни выдергивали руки, онъ все-таки надѣваетъ халатъ и поразительно любитъ его носить по праздникамъ, хотя, въ то же время, и при солдатской фуражкѣ безъ козырька, съ краснымъ околышемъ; а солдатскую шинель свою и амурскій, и забайкальскій казакъ все-таки подпоясываетъ кушакомъ, не утра-

тилъ и крестьянской любви своей къ полушубкамъ, теплой шапкѣ и рукавицамъ.»

На новыхъ мѣстахъ казаки далеко еще не свыклись. Подъ жильемъ и подъ пашни имъ приходится расчищать совершенно новыя мѣста, уничтожать огромныя лѣса, да часто еще попадать и на нездоровое мѣсто; нерѣдко получаемый отъ казны провіантъ запаздываетъ, и казаки только и поддерживаютъ свое существованіе рыбою да вымѣниваемою за разное тряпье у мѣстныхъ жителей мукою. Часто даже и соли у нихъ не бываетъ. А для поѣвовъ хлѣбъ въ зернѣ хотя и доставляется имъ, но очень неисправно, а часто и подмоченнымъ. Не удивительно, что казаки сильно тоскуютъ по родинѣ.

— «А на Шилкѣ было весело?» спрашиваетъ г. Максимовъ казака.

— «Ну, да какъ не весело! Своя сторонущка! Ревѣли-ревѣли, какъ съ роднаго мѣста снимались! Тяжело вѣдь, дѣло-то несвычайное! А здѣсь вонъ и коровушки-то какъ-то плохо телятся: то недоносками безъ шерсти, то зобатые. Родится экимъ теленочекъ, да и помретъ.»

А вотъ что пишетъ г. Максимовъ еще въ самомъ началѣ своего путешествія:

«Вторая станица—Амазаръ. Вотъ что писалось въ то время въ дневникѣ:

«Вотъ гдѣ настоящая бѣдность! Въ домахъ пусто, сиротливо; въ амбарушкѣ шаромъ покати; полей не видать; казаки такіе сиротливые. Вотъ какъ это объясняютъ они сами:

— «Взяли насъ съ Аргуни — велѣли ѣхать сюда: вотъ это мѣсто указали. Приѣхало начальство, сказывало: «Живите съ Богомъ и будьте довольны. — Васъ теперь на свѣтъ вывели: тамъ, въ глуши своей, вы вѣдь ничего не видали.»

«Вонъ огородцы развели: хотимъ картофель садить. Хотѣли хлѣбушко было сѣять, да сѣмянъ ни зернушка. Да и получить негдѣ, да и пахать-то негдѣ.»

И г. Максимовъ описаніемъ мѣстности этой станицы дѣйствительно подтверждаетъ, что пахать-то негдѣ.

Удивительнѣе всего та безропотность, съ какою казаки покоряются своей горемычной судьбѣ. Правда, что и веселья у нихъ не видать; даже и пѣсни, этой постоянной снотницы русскаго человѣка, не слышать. Впрочемъ, г. Макси-

мовъ говоритъ, что «забайкальскіе казаки, какъ извѣстно, что рыбы, пѣсенъ никогда не поютъ и не знаютъ. Не слыхалъ я пѣсни давно, больше полугода. Казаки и топоромъ тешутъ, и сѣно косятъ, и веслами гребутъ—сосредоточенно, молча, ни слова между собою, ни прибаутки, ни присказки.»

Но за то между ними, въ подмогу имъ, поселены такъ называемые *сынки* — гарнизонные солдаты. Изъ нихъ, по отзывамъ казаковъ, рѣдкій хорошій попадетъ: въ работѣ не помогаютъ, топора въ руки взять не умѣетъ, да и бариномъ еще жить хочеть. Но за то это народъ бойкій въ движеніяхъ, ловкій на словахъ, острый на языкъ; они-то поютъ еще пѣсни.

«Одинъ изъ сынковъ гребеть — рассказываетъ г. Максимовъ — и приговариваетъ: «кто на Амурѣ не бывалъ, тотъ и горя не знавалъ; кто на Амурѣ побывалъ, тотъ и горе распозналъ», и завернулъ это все глубокимъ, тяжелымъ вздохомъ. Вотъ и новая, готовая поговорка пока навремя; пойдетъ ли она дальше въ вѣка—неизвѣстно. И опять-таки высказалъ ее, выпустилъ изъ устъ не забайкальскій казакъ, а *россійскій* солдатикъ.»

Много еще можно было бы привести подобныхъ неутѣшительныхъ выписокъ, но довольно съ казаками. Посмотримъ, что говоритъ г. Максимовъ о низовыхъ поселеніяхъ и о городахъ Амурскаго края. Въ Благовѣщенскѣ всего 16 домовъ. «Можно надѣяться на его будущее—говоритъ г. Максимовъ — но нельзя похвалить настоящаго: Благовѣщенскъ пока только казарма, наскоро построенная, холодная, со сквознымъ вѣтромъ, съ капелью съ потолоковъ и крышъ. Ладилъ се линейный солдатикъ, у котораго въ первый разъ въ жизни очутился въ рукахъ топоръ ненадежной работы Петровскаго завода. Дѣло солдатику этому дано на урокъ и на спѣхъ: оттого онъ и углы плохо приладилъ, онъ и пазы кое-какъ загрунтовалъ, кое-гдѣ моху положилъ, кое-гдѣ и такъ обошелся. Пусть себѣ сквозить и дуеть: отъ холоду можно и въ полушубкахъ согрѣться; въ шубахъ праздничные визиты дѣлать. Оттого-то, говорятъ, въ цѣломъ городѣ въ прошлую зиму было всего три или четыре теплыя комнаты; оттого-то слова: «житейскій комфортъ, удобства», здѣсь пока еще анахронизмъ, и оттого-то, наконецъ, Благовѣщенскъ—городъ только еще въ будущемъ и никакъ не въ настоящемъ.»

А вотъ еще характеристика другаго города:

«Одинъ изъ моихъ солдатиковъ стоитъ на кормѣ, глядитъ на Софійскъ, головой покачалъ да глубоко вздохнулъ. Я спросилъ его:

— «Кого тебѣ жалко? Поднялъ вздохъ съ самаго донышка.

— «А вотъ на городъ-отъ смотрю и всячески думаю: строили, строили. Сколько денегъ потеряли, а зачѣмъ все? Поставили бы станокъ (*): и такъ бы хорошо было.

«— Да вѣдь городъ надо.

«— Зачѣмъ городъ? Не надо города. Обошлись бы всячески и безъ города. Вѣдь есть городъ Маринскъ, близко.

«— Да вѣдь, чудакъ, надо же гдѣ нибудь начальству жить, чтобы народомъ-то управлять.

«— Какимъ народомъ управлять? Много ли мы съ вами народу видѣли, отъ Хабаровки ѣхадши?

«— Все же, кавалеръ, лучше, какъ городъ стоитъ, а не станокъ.

«— Ничего не лучше!

«— Толкуй съ тобой!

Но солдатикъ мой везетъ свое:

«— Зданьсвѣ-то настроили много, а что въ нихъ пути? Все на живую нитку. Дуракъ вѣдь медвѣдь здѣшній: смиренъ....

«— Какъ такъ?

«— Напустить бы нашего, російскаго, умѣлаго: ему бы тутъ и на одну ночь работы нехватило. А двухъ приставить— живо, по бревнушку разметали бы....

«Воспоследовалъ неистовый, довольный хохотъ....»

На пятисотенномъ пространствѣ, отъ Хабаровки до Маринска, весьма рѣдко разставлены одинокія избы, въ разстояніи одна отъ другой въ 30—35—40 верстъ. «Избы эти—станки, деревянные дома, наполовину не отстроенные, населены небольшимъ числомъ (меньше десятка) линейныхъ солдатъ, получающихъ казенное содержаніе и обязанныхъ смотрѣть за казенными почтовыми лошадьми, рубить лѣсъ для казенныхъ пароходовъ. Они обязаны были выстроить эту избу и перестроить ее, какъ это не разъ и случалось, когда время въявъ показало, что все, что скоро, не бываетъ спору. За все это солдаты получаютъ

(*) Станокъ — станція.

полтора фунта хлѣба (сухарями), муки—когда подвезутъ, крупы—когда дадутъ, и вотъ уже почти полгода не получаютъ *ни щепотки соли*. Что и рыба гольдская, что и дичь лѣсная безъ этой приправы!»

Но вотъ г. Максимовъ вошелъ въ станціонный домъ Елисеевской станицы:

«Въ избѣ солдатки что-то варятъ въ печи: оказалась рыба, подаренная Гольдами; на заѣдку казенные сухари принесла.

«— Отбираемъ, толкуютъ солдатки: — которые ржавые — не ѣдимъ; остальные въ водѣ мочимъ — хорошо. Муку вотъ очень плохую получаемъ. На сплавѣ-то она подмокла.

«Показали и муку эту: дѣйствительно, нехороша.

«— Плохое же, братцы, житье ваше.

«— Очень плохое: вотъ и обуви и одежды нѣту хорошей.

«Дѣйствительно: на нихъ какія-то нуцья шинеленки, дырявые и заплатанныя рубахи.

«На ногахъ какіе-то ошметки, называемые *чирки*, или *чирки*, изъ сыромятной кожи. Это—башмаки, калоши, туфли, все, что угодно, только никакъ не сапоги. Процессъ созиданія ихъ очень простъ и печаленъ. Это—кожа, очищенная отъ шерсти и потомъ мятая въ талькахъ (родъ льнянаго трепала съ языкомъ) самими же солдатами изъ казеннаго товара и потомъ сшитая въ казармахъ умѣлыми и досужими. За чирки эти берутъ рубль, а больше одного—де мѣсяца не выдерживаютъ. На поношенные, прослужившіе мѣсячный срокъ чирки эти смотрѣть невозможно. Подобнаго рода обувь носятъ всѣ линейные солдаты; подобнаго же рода ошметки—на ногахъ и мовъ гребцовъ.

«— Въ Николаевскѣ, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ:—матросы въ сапогахъ ходятъ.

«И неужели амурскій солдатъ не стоитъ лучшей одежды и обуви, когда онъ поставленъ въ трудное, бездомовное и неприютное положеніе? Солдатикъ на Амурѣ, какъ извѣстно, несетъ тройную службу: онъ и сплавщикъ казенныхъ складовъ на паромахъ, лодкахъ и баржахъ, онъ и плотникъ-строитель всѣхъ казенныхъ зданій по Амуру, всѣхъ станціонныхъ домовъ и проч., онъ же и подъ ружьемъ и на николаевской гауптвахтѣ; онъ, однимъ словомъ, на всѣхъ тѣхъ работахъ, гдѣ и платятъ вчетверо скорѣе изнашивается и рвется.»

Но вотъ наконецъ г. Максимовъ достигъ до пространства между Марининскомъ и Николаевскомъ,—пространства, на которомъ, по прежнимъ сказаніямъ, чуть не рай земной, гдѣ селенія не могутъ нахвалиться своимъ богатствомъ, гдѣ съ каждымъ годомъ пашни прибавляются все болѣе и болѣе, такъ что и скотоводство улучшается и скоро покажется избытокъ въ хлѣбѣ собственнаго произведенія. Туда-то, по словамъ все тѣхъ же прежнихъ сказаній, стремятся жители Забайкальскаго края (*).

Г. же Максимовъ и при описаніи этого пространства какъ-то гораздо умѣреннѣе. Правда, изъ его словъ видно, что здѣсь положеніе поселенцевъ гораздо лучше, чѣмъ положеніе казаковъ, но все-таки и оно не очень блистательно, несмотря на то, что между видѣннымъ г. Максимовымъ и описываемымъ прежде прошло почти три года.

«Выгода новыхъ мѣстъ жительства — говоритъ г. Максимовъ—по сравненію съ оставленными прежними мѣстами родины, остается, конечно, на сторонѣ послѣднихъ, но крестьяне довольны отчасти и остановились на заманчивыхъ преимуществахъ свободы отъ рекрутчины и всякихъ податей. Въ Михайловскомъ выстроенъ даже домъ для сельской школы; сооружена большая и помѣстительная церковь; крестьяне живутъ въ довольствѣ, ѣдятъ сыто и сладко. Всѣ другія крестьянскія селенія малы и только какъ будто зачатки будущихъ большихъ селъ (таковы въ особенности Ново-Михайловское, Воскресенское и Иркутское). Всѣ они расположены одно отъ другаго въ замѣчательно равномъ разстояніи (въ сорокъ верстъ).» Хоть эти нѣсколько утѣшительныя строки объ Амурскомъ краѣ! И то слава Богу!

Общее заключеніе, которое, сколько намъ кажется, можно сдѣлать изъ статьи г. Максимова, это, во первыхъ, то, что если Амуръ и привлекаетъ поселенцевъ, то не столько своимъ богатствомъ и изобиліемъ, а преимущественно лишь тѣми льготами, которыя даются переселенцамъ. Во вторыхъ же, что казачество превосходно тогда, когда оно образуется само, вслѣдствіе мѣстныхъ потребностей и стремленій самаго населенія, какъ то было, напримѣръ, съ Запорожцами, Донцами и другими; но ис-

(*) См. статью ротмистра Бартоломея: «Описаніе Амурскаго края». Часть II, стр. 41.

куственно создавать казаковъ очень трудно: быть воиномъ и земледѣльцемъ, въ одно и то же время, почти невозможно.

«Инженерный Журналъ», №№ 1, 2 и 3.

Съ началомъ нынѣшняго года «Инженерный Журналъ», на сколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по первымъ его тремъ номерамъ, значительно выигралъ въ своей занимательности, особенно же для неспециалистовъ. Въ прежнее время онъ постоянно носилъ характеръ въ высшей степени специально-ученаго, педагогически-сухаго періодическаго изданія. Конечно, этого отнюдь нельзя ставить ему въ упрекъ, но, тѣмъ не менѣе, это было причиною, что его читали лишь немногіе, самые ревностные дилетанты; многихъ же онъ просто пугалъ своею сухостію. Но за послѣднее время направленіе журнала видимо стало измѣняться: онъ сталъ дѣлаться все болѣе и болѣе доступнымъ для простыхъ смертныхъ и наконецъ достигъ до того, что три номера его, подлежащіе нашему разсмотрѣнію, могутъ быть съ удовольствіемъ просмотрѣны даже и людьми, не специально занимающимися инженернымъ дѣломъ. Не наше дѣло входитъ здѣсь въ разсмотрѣніе, на сколько подобное измѣненіе въ направленіи журнала понравится специалистамъ-инженерамъ; впрочемъ, мы полагаемъ, что даже и они, вѣроятно, поблагодарятъ редакцію за это измѣненіе, дающее имъ время отъ времени нѣкотораго рода отдыхъ среди длинной вереницы статей чисто-специальныхъ и серьезныхъ.

Другое замѣчаніе, которое справедливость требуетъ сдѣлать по поводу разсматриваемыхъ нами номеровъ «Инженернаго Журнала», то, что въ нихъ весьма видное мѣсто занялъ библиографическій отдѣлъ, заключающійся въ обзорѣи разныхъ новыхъ сочиненій по инженерной части, а также и въ обзорѣ дѣятельности разныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ какое либо отношеніе къ инженерному дѣлу, особенно въ обзорѣ «Журнала Главнаго Управленія Путей Сообщеній» и «Архитектурнаго Вѣстника». Не менѣе также заслуживаетъ вниманія и то, что редакція взяла на себя трудъ знакомить читателей своего журнала съ періодическими изданіями по инженерной части, выходящими за границей, и на первый разъ (въ № 2) представила обзоръ содержанія за 1859 годъ испанскаго инженернаго

журнала «Memorial de Ingenieros», — журнала, который одинъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій Европы, посвященныхъ военно-инженерному дѣлу, выходитъ, подобно нашему «Инженерному Журналу», въ опредѣленные сроки.

Изъ числа статей, помѣщенныхъ въ рассматриваемыхъ нами номерахъ «Инженернаго Журнала» и имѣющихъ общій интересъ, можемъ указать нашимъ читателямъ на слѣдующія: «По поводу статьи: «Краткій обзоръ итальянской кампаніи въ 1859 году въ инженерномъ отношеніи»; Санъ-Мортинскій тетъ-де-понъ», М. Д.; «Плавающія повозки и понтоны Френсиса», В. Постельникова; «Теорія и практика», П. И.; переводная статья г. К. Хлѣбникова: «Извлеченіе изъ рапорта комиссіи для составленія проекта обороны Великобританіи»; «Отъ Уральскаго укрѣпленія до форта № 1» (изъ путевыхъ замѣтокъ о Киргизской степи), Ар. Грена; «Сольферинская битва», М. Д.; «О казарменномъ помѣщеніи кавалеріи», подполковника Конно-піонернаго дивизіона Иванова. Изъ этихъ статей мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на двухъ, именно: на статьѣ г. Иванова и на статьѣ «Теорія и практика». Что же касается до прекрасно составленнаго описанія сольферинскаго сраженія, то оно еще не кончено, и мы познакомимъ съ нимъ нашихъ читателей при разсмотрѣніи слѣдующихъ номеровъ «Инженернаго Журнала», гдѣ будетъ помѣщено окончаніе статьи. Здѣсь же мы не можемъ не изъявить только нѣкотораго удивленія, что подобная статья, какъ описаніе сольферинскаго сраженія, нашла мѣсто на страницахъ «Инженернаго Журнала». Намъ кажется, что она, не имѣя ни малѣйшаго отношенія къ инженерному дѣлу, не можетъ заинтересовать читателей этого спеціальнаго журнала, да и не можетъ доставить имъ развлеченія въ чтеніи, будучи лишь чисто военно-критическимъ описаніемъ отдѣльнаго эпизода военныхъ дѣйствій. Напечатаніе подобной статьи въ «Инженерномъ Журналѣ» тѣмъ болѣе кажется намъ страннымъ, что послѣднія военныя дѣйствія въ Италіи представляютъ двѣ осады, описаніе которыхъ въ спеціальномъ инженерномъ журналѣ было бы болѣе уместно, чѣмъ описаніе сраженій. Помѣщеніе въ «Инженерномъ Журналѣ» описанія этихъ осадъ было бы болѣе уместно, чѣмъ упрекъ, дѣланный имъ «Военному Сборнику», что въ «Военномъ Обзорѣніи», гдѣ помѣщаются лишь краткіе очерки происходящихъ военныхъ дѣйствій, не помѣщены подробности осады

Анконы (*) Если подробности эти не были введены въ «Военное Обзорѣніе», то вовсе не потому, чтобы ими пренебрегали, а потому, что ихъ считаютъ дѣломъ второстепенной важности для неспеціалистовъ и полагаютъ, что издающійся у насъ специально «Инженерный Журналъ», вѣроятно, не замедлитъ обратить на нихъ вниманіе и изслѣдовать ихъ съ должною точностію, какая не можетъ быть допускаема въ бѣглыхъ военныхъ обзорѣніяхъ.

Статья г. П. И.: «Теорія и практика», весьма замѣчательна по прекрасному, благородному стремленію автора ея опредѣлить точнымъ образомъ причины постоянно встрѣчающагося разлада между теоріею, наукою, и практикою. «Кажется — говорить авторъ — каждый неповрежденный умъ прямо укажетъ, что одинаково важны обѣ: и теорія и практика, и что обѣ онѣ должны идти всегда рука объ руку. Да, на это указываетъ намъ самый здравый смыслъ. Откуда же такая вражда между ними? Откуда постоянные нападки практиковъ на теорію (замѣтите, почти никогда теоріи на практику), такое недовѣріе къ теоріи вообще и въ особенности сомнѣніе въ вѣрности взгляда, почти неизбежно накликаемое на себя занимающимися науками въ глазахъ практиковъ?»

На эти-то вопросы и старается отвѣчать авторъ, прибѣгнувши для того къ точному опредѣленію сущности теоріи, науки, и отдѣльно практики, съ тѣмъ, чтобы потомъ изъ самаго уже опредѣленія вывести взаимное отношеніе между ними и указать, когда именно нарушеніе этихъ отношеній приводитъ къ возбужденію вражды между теоріею и практикою. Не слѣдя за авторомъ во всѣхъ его, нѣсколько даже растянутыхъ, сужденіяхъ о сущности теоріи, скажемъ нѣсколько словъ объ окончательныхъ его выводахъ.

Рѣшивши, что такое теорія, авторъ выставляетъ всю ея необходимость и пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на тѣ условія, при которыхъ она, дѣйствительно, вполне можетъ быть полезна. Этимъ самымъ опредѣляются и тѣ недостатки, которымъ весьма часто бываютъ подвержены теоріи и которые служатъ главною причиною тѣхъ нареканій, которымъ подвергаются обыкновенно теоретики. Недостатки эти состоятъ въ неясномъ пониманіи основныхъ истинъ создаваемой теоріи, въ не-

(*) Обзоръ русскихъ военныхъ журналовъ въ «Инженерномъ Журналѣ», № 7.

вѣрности данныхъ, принимаемыхъ за основаніе, въ неумѣстности самой теоріи или же ея основныхъ положеній, въ многочисленности терминовъ, часто затемняющихъ самый смыслъ понятій, и, наконецъ, въ безусловности (абсолютности), «съ которою иногда мы принимаемъ причины или дѣлаемъ изъ нихъ выводы и заключенія, привязываемся къ строгой послѣдовательности, методичности, забывая, что въ мирѣ все *относительно*—нѣтъ ничего безконечнаго, безусловнаго, всеобщаго, кромѣ еди-наго начала всѣхъ началъ».

Недостатки эти, дѣйствительно, бываютъ главными причинами частаго неудовольствія такъ называемыхъ практиковъ на теоретиковъ. За примѣрами нечего далеко ходить: ихъ мы вчастую видимъ вокругъ себя, и именно въ нашемъ же военномъ сословіи, требующемъ соединенія теоріи съ практикою. Можно было бы и указать на многіе примѣры, но зачѣмъ? пусть лучше читатель самъ оглянется вокругъ себя, и онъ найдетъ ихъ непрѣмѣнно на каждомъ шагу.

Съ другой стороны, если теорія своими заблужденіями по-даетъ много поводовъ къ нареканіямъ на нее, то не менѣе по-водовъ къ тому даетъ и практика.

«Есть практика сознательная, разумная — говоритъ авторъ— такая всегда уважаетъ науку, хотя бы за то только, что она облегчаетъ разумѣніе дѣла. Есть практика неразумная, основанная только на привычкѣ ходить торной тропой; она не вдается въ причины, довольствуется только тѣмъ, что, такъ, дескать, дѣ-лается», или что «такъ дѣлали дѣды наши и отцы». Такого рода практика называется рутинной; мы бы, пожалуй, предложи-ли для нея болѣе понятное русское слово: *наторь* (наторѣть). Такого рода практикой отличаются и кучера, и каменщики, и каменныхъ и иныхъ дѣлъ мастера, и специальные писатели смѣть, или столь извѣстные смѣтописцы, и проч. и проч., каждый въ своемъ родѣ. Практика-рутина имѣетъ почти всегда исключи-тельно мѣстный характеръ, и, притомъ, очень узкій. Мѣстныя цѣли, формы и средства до такой степени могутъ всосаться въ душу и понятія каждаго призваннаго къ практической дѣятель-ности, что представляются ему неопровержимой истиной. Каж-дый изъ нихъ, будь то купецъ или чиновникъ, военный или гражданскій, сживается съ этими ошибочными понятіями. Онъ пріобрѣтаетъ извѣстную ловкость, онъ увѣренъ заранѣе въ ус-

пѣхъ, онъ мастеръ на разныя штуки и лазейки, которыми такъ изобилуетъ практика. Каждый практикъ очень тяжелъ на подъемъ, въ особенности тамъ, гдѣ живой обмѣнъ мыслей труднѣе, гдѣ болѣе или менѣе привыкли ходить на помочахъ, гдѣ мало благодѣтельнаго духа предприимчивости. Но практикъ-неучъ (рутинеръ)—это всегда самый неумолимый врагъ науки, теоріи и вызываемыхъ ими благодѣтельныхъ улучшеній. Онъ постоянно поднимаетъ голосъ противъ нихъ, и вотъ главная причина, почему практика такъ часто является отсталою и постоянно медлить воспользоваться благодѣтельными результатами науки, между тѣмъ, какъ тѣ только и ожидаютъ опытной руки, которая бы ихъ приложила къ дѣлу.»

Кажется, этихъ указаній достаточно, чтобы видѣть, на сколько виновны бываютъ какъ теорія, такъ и практика въ той враждѣ, которая постоянно между ними замѣчается. Недостаточно развитая или ложно понятая теорія столь же вредна для общаго успѣха дѣла, какъ и неразумная, основанная лишь на привычкѣ практика. Только совершенно правильная теорія въ соединеніи съ разумною практикою могутъ вполне содѣйствовать рациональному веденію дѣла. «Отнимите то либо другое—говорить г. П. И.—и дѣло уже не будетъ рациональнымъ. Но нельзя не согласиться, что если для которойнибудь изъ двухъ этихъ сподвижницъ рациональности необходимо было бы назначить первое мѣсто, а затѣмъ остальной—второе, то каждый просвѣщенный и практическій, въ то же время, умъ не поколеблется отдать первое мѣсто наукѣ: это потому, что назначеніе науки быть не угодницей какойнибудь рутинѣ, а руководительницей и наставницей ея. Итакъ, первенство наукѣ; ей первенство, но только со строгимъ разборомъ. Здѣсь дѣло и трудъ не ограничиваются теоретическими познаніями, стремленіемъ раскрыть какуюнибудь мнимую, не приложимую къ практикѣ истину. Нѣтъ, въ рациональной теоріи какого бы то ни было дѣла не можетъ и не должно быть мѣста для такой теоретической истины, которая бы, въ то же время, не была истиной практической и тотчасъ же была бы готова, т. е. разработана, развита, на сколько слѣдуетъ для applicaціи къ дѣлу.»

Статья г. подполковника Иванова: «О казарменномъ помѣщеніи кавалеріи», вполне заслуживаетъ вниманія, и желательно бы

даже было, чтобы она нашла себѣ послѣдователей. Г. Ивановъ начинаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Долгъ справедливости обязываетъ домохозяина освѣдомлять-ся всегда отъ своихъ постояльцевъ, удобны ли занимаемая ими квартиры. Инженерамъ - домохозяевамъ военныхъ зданій—безъ сомнѣнія, также слѣдуетъ освѣдомляться о потребностяхъ войскъ того или другаго оружія, для которыхъ предназначается зданіе, справляться отъ нихъ самихъ, во всей подробности, не только когда уже въ домѣ живутъ, но прежде еще нежели проектъ представить къ утвержденію. Не только всякій родъ войска: пѣхота, кавалерія, артиллерія, стрѣлки, болѣе или менѣе отличается численнымъ своимъ составомъ, своими особыми единицами подраздѣленія на части, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ, слѣдовательно домашнемъ, отношеніяхъ, своими матеріальными потребностями, но даже въ отношеніи вліянія климата, противъ котораго и устроиваются собственно защиты, называемыя жильемъ, одинъ и тотъ же родъ войска въ странахъ сѣверныхъ имѣетъ иныя потребности отъ жилья, нежели въ южныхъ, и наоборотъ, такъ что соображенія климатическія должны, слѣдовательно, имѣть вліяніе не только на расположеніе жилья въ данныхъ размѣрахъ въ отношеніи къ сохраненію въ немъ тепла и свѣта, какъ бы то казалось съ перваго взгляда, но не менѣе того и на число и родъ разныхъ придаточныхъ построекъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ службъ, галлерей и проч., вообще на количество и видъ закрытыхъ пространствъ.»

Какъ ни длинна здѣсь фраза автора, однакожъ, хотя и съ трудомъ, можно понять, чего желаетъ онъ, и нельзя не согласиться, что желаніе это вполне основательно. А для того, чтобы инженеры имѣли полную возможность соображать вполне возводимыя ими постройки съ дѣйствительно многообразными потребностями войскъ, необходимо, чтобы и самыя войска подавали свой голосъ о томъ, въ чемъ именно заключаются для нихъ эти потребности. Прекрасный образчикъ тому даетъ намъ, въ своей статьѣ, г. Ивановъ, который, впрочемъ, исключительное вниманіе свое сосредоточиваетъ на опредѣленіи тѣхъ условій, на которыхъ должно быть основываемо расположеніе кавалерійскихъ конюшенъ, манежей и казармъ; относительно послѣднихъ, впрочемъ, замѣтка г. Иванова очень кратка.

Въ настоящемъ обзорѣ, мы не имѣемъ возможности входить въ подробное разсмотрѣніе статьи г. Иванова и даже не можемъ передать вполнѣ всего ея содержанія, но считаемъ долгомъ рекомендовать ее нашимъ кавалеристамъ, какъ довольно подробный сборникъ тѣхъ данныхъ, которыми необходимо руководствоваться при размѣщеніи лошадей въ конюшняхъ.

Весьма было бы желательно, чтобы подобнаго рода статьи, излагающія разнаго рода потребности войскъ при казарменномъ помѣщеніи, являлись и отъ другихъ родовъ войскъ. Намъ кажется, что также немало пользы принесло бы и то, если бы войска, при расположеніи въ казармахъ, сообщали разныя замѣчанія относительно удобства или невыгодъ занимаемыхъ ими помѣщеній. Замѣчанія эти, само собою разумѣется, не должны и не могли бы входить въ разныя техничeskія подробности строительнаго дѣла, но могли бы касаться только тѣхъ данныхъ, которыя, не требуя специальныхъ познаній, прямо указываютъ на существующія неудобства казарменныхъ помѣщеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что замѣчанія эти были бы не лишены интереса для будущихъ строителей казармъ.

Весьма интересны также свѣдѣнія, сообщаемыя г. В. Постельниковымъ о плавающихъ повозкахъ и понтонахъ гражданъ на Сѣверо-Американскихъ Штатахъ Юсиа Френсиса.

Повозки эти построены изъ желобчатаго гальванизированнаго желѣза и имѣютъ деревянный ходъ на желѣзныхъ осяхъ. Кузовъ повозки служитъ для перевозки разныхъ вещей и, въ то же время, выгруженный можетъ быть употребляемъ какъ перевозочный снарядъ, т. е., какъ гребное судно, какъ понтонъ, или же связанныя по нѣскольку вмѣстѣ, какъ паромъ для переправы. Повозки эти уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ приняты въ войскахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и даже участвовали въ нѣкоторыхъ походахъ, гдѣ приносили большую пользу. Затѣмъ, въ послѣднее время, надъ ними были производимы многочисленныя опыты въ Вуличѣ, Парижѣ, Ганноверскомъ королевствѣ и въ Индіи, и вездѣ повозки эти вполнѣ выдерживали испытанія. У насъ г. Френсисъ получилъ отъ правительства привилегію на свое изобрѣтеніе, и одна повозка его уже доставлена въ Россію и была испытываема въ 1858 году, въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи Государа Императора, а въ настоящее время испытывается при Лейбъ-Гвардіи Саперномъ баталіонѣ,

Изъ сообщеннаго, однакожь, въ Смяси № 3 «Инженернаго Журнала» извѣстія видно, что повозки эти признаны неудобными для замѣны ими понтоновъ, «какъ по причинѣ зыбкости на водѣ, сообщающей мостамъ сильную качку, такъ и по причинѣ неизбѣжныхъ затрудненій и разстройства обозовъ войскъ въ хозяйственныхъ собственно отношеніяхъ: напимѣръ, по причинѣ выгрузки уложенныхъ въ нихъ вещей и передачи повозокъ на время въ чужія руки, между тѣмъ, какъ отвѣтственность за нихъ, тѣмъ не менѣе, остается на командирахъ, при сдачѣ и приѣмѣ командъ».

Однако для того, чтобы воспользоваться столь полезнымъ для понтоновъ матеріаломъ, какъ желобчатое гальванизированное желѣзо Френсиса, наше инженерное вѣдомство заказало у него, въ прошломъ году, два понтона системы Бираго. Нынѣшней весной понтоны эти уже доставлены и, какъ сообщено въ «Инженерномъ Журналѣ», имѣютъ подъемную силу не меньшую, чѣмъ у понтоновъ Бираго, при длинѣ въ 11 аршинъ вѣсятъ менѣе, чѣмъ бывшая конно-піонерная лодка, имѣвшая 9 аршинъ длины, и, наконецъ, по самому, устройству своему чрезвычайно облегчаютъ задѣлку пробиваемыхъ въ нихъ ружейными пулями отверстій. Дальнѣйшія испытанія ихъ, безъ сомнѣнія, вполне покажутъ, чего можно ожидать отъ этого новаго, много обѣщающаго изобрѣтенія.

Въ заключеніе нашего обзора «Инженернаго Журнала», не можемъ не остановиться на одной коротенькой, но тепло написанной статейкѣ его, посвященной памяти недавно скончавшагося инженеръ-полковника Луки Лукича Германа. Изъ 45-ти лѣтней службы этого ветерана нашего инженернаго корпуса, 39 лѣтъ были посвящены учительской службѣ при Инженерномъ училищѣ и болѣе 20 лѣтъ таковой же при 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ. Много прошло за это время черезъ его руки учениковъ, которые теперь разбѣяны по всѣмъ вѣдомствамъ нашей обширной арміи, а самое главное то, что всѣ они равно могутъ засвидѣтельствовать, что покойный Лука Лукичъ всегда честно и добросовѣстно исполнялъ свои скромныя обязанности и пользовался постоянно всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Намъ особенно было пріятно встрѣтить на страницахъ «Инженернаго Журнала» статейку г. І. Кори, посвященную памяти Л. Л. Германа, потому что въ этомъ мы видѣли какъ бы выраже-

не той именно мысли, что, какъ бы ни было, повидимому, незначительно положеніе человѣка въ обществѣ, но если онъ несетъ добросовѣстно и честно свои обязанности, то о немъ не забудутъ его сограждане и всегда помянутъ добрымъ словомъ.

Справедливо г. Кори говорить, что «хотя имя Луки Лукича Германа не прославилось ни военными подвигами, ни авторскими трудами, но по всѣмъ концамъ Россіи найдутся люди, которые сохранили его въ числѣ лучшихъ воспоминаній своей жизни, а читая эти строки, скажутъ вмѣстѣ съ нами: миръ душѣ твоей, честный и благородный человѣкъ!»
